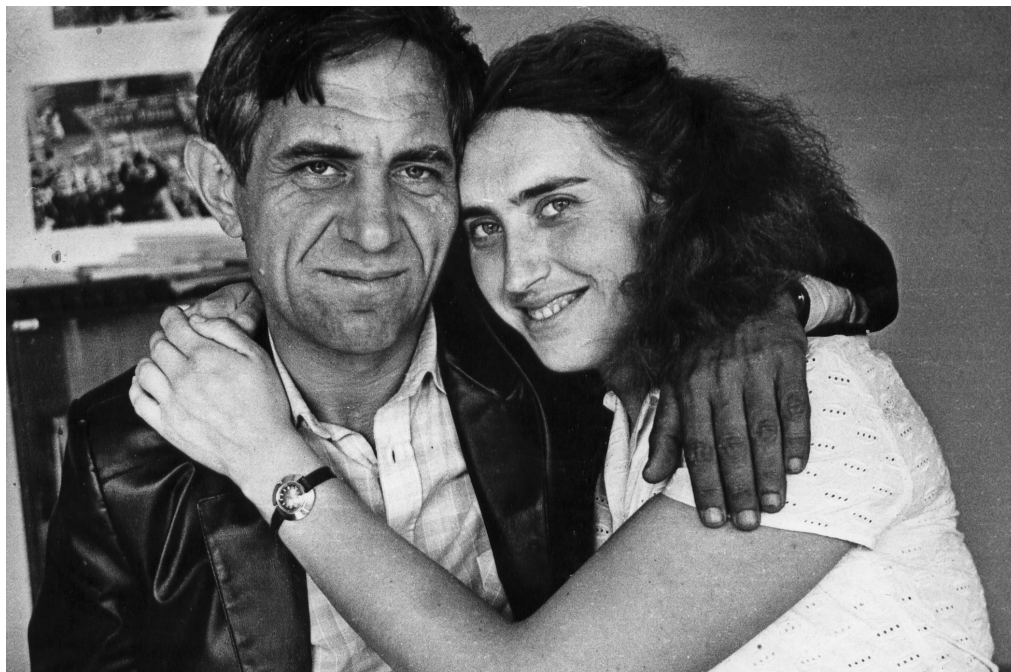

Старик Белозёров

Лоскутное одеяло памяти

Сергей Белозёров и Ольга Подъёмщикова. Фото из архива Константина Шестакова

Не думал, что мне когда-нибудь придётся писать воспоминания о Сергее Белозёрове. Наши с ним отношения развивались от взаимной неприязни до странной, почти родственной дружбы. В 1990-м году Белозёрову было всего 42 года, а мне он казался матёрым мужиком, сильно старше. И, видимо, не только мне. Его частенько так и называли «старик Белозёров». Его облик рано постаревшего мужчины, легенда о ссылке — всё это создавало образ «бывалого», тёртого жизнью, «старика».

Мы с ним любили одну женщину — Ольгу Подъёмщикову. Он был её первым мужем, я — вторым. Казалось бы, мы должны были ненавидеть друг друга или уж, по крайней мере, не общаться близко. Но так получилось, что мы не то чтобы подружились, но стали одной семьёй. «Бывший», «нынешний» и Она — муза, возлюбленная, невероятная Ольга.

Они уже не жили вместе, у каждого была своя жизнь, свои «любви», как говорила Ольга, но по-прежнему официально были расписаны.

Впервые я увидел Белозёрова году в 88-м в редакции газеты «Коммунар». После школы меня взяли на работу внештатным корреспондентом областной газеты и распределили в отдел культуры. Заведовал отделом Эвальд Васильевич Коротков, он окинул меня взглядом, задал пару вопросов и направил для дальнейших распоряжений к своей единственной сотруднице — Ольге Подъёмщиковой. Кажется, тогда я её увидел в первый раз. Не помню, чтобы Ольга давала мне какие-то задания, зато мы разговаривали часами обо всём на свете. Однажды к ней в кабинет заглянул мужчина, широко улыбающийся, сказал ей «привет!», не удостоив меня взглядом, без спроса залез в карман её плаща, висевшего на вешалке, и вытащил оттуда трояк.

— Серёжа, но это последний! — воскликнула Ольга.

— Я верну! — сказал он в ответ и исчез.

Это был Белозёров.

Потом была моя армия и возвращение в редакцию, снова Ольга и — уже роман по полной программе.

Белозёров ревновал. Однажды увёз её для серьёзного разговора, уговаривал уехать с ним в Иркутск, чтобы «начать новую жизнь». Но Ольга выбрала меня.

В начале 90-х Белозёров часто заходил к нам в редакцию «Молодого Коммунара» — занять денег или душевно посидеть за бутылочкой. Пока мы с Ольгой не поженились, он называл это «благословлять». Однажды принёс самодельную курительную трубку, сделанную из ручки зонтика, и протянул мне: «Бери!» — «Зачем?» — спросил я. — «Есть такая поговорка: трубку и жену не даю никому. Жену я тебе уже отдал — бери и трубку!»

Во время посиделок Белозёров часто просил Ольгу спеть, а пела она песни на его стихи. Стихи и песни были хорошие, но меня это бесило, и это, видимо, нравилось Белозёрову. «Я — поэт, — как бы хотел сказать он этим, — а ты — кто?»

Один случай из тех посиделок с Белозёровым до сих пор вспоминаю со смехом. Однажды Сергей получил какой-то гонорар и приехал к нам в редакцию: «Ребята, давайте его пропьём!» Мы нехотя согласились, хотя и с некоторым сомнением — где же взять алкоголь в стране, где всё либо по талонам, либо по благу. И тут Белозёров, как всегда, придумал гениальный план. Он позвонил в один продуктовый магазин:

— Здравствуйте! Можно директора к телефону? Светлана Сергеевна, вас тульский союз журналистов беспокоит, да, у нас тут возникла такая проблема. Понимаете, приехали чешские товарищи, журналисты, по обмену опытом, а нам даже угостить их нечем. Ну сами понимаете... Светлана Сергеевна, миленькая, войдите в наше положение, помогите. Что? Ах, что нам нужно?! Ну, хотя бы ящичек портвейна, да, недорогого. Ящика нет, только восемь бутылок? Ну хорошо,

конечно, мы всё понимаем! Спасибо вам! К вам наш сотрудник сейчас подъедет, скажет, что от меня. Хорошо, спасибо Вам за помощь! Обращайтесь, когда потребуется!

И положил трубку.

Мы с Ольгой сидели в онемении от такой наглости. А главный смех был в том, что союз журналистов для чешских товарищей просит — дешёвый портвейн! Отсмеявшись, решили, что за портвейном в магазин пойду я. Но возник второй вопрос: где это всё пить? Если в редакции, то набежит толпа халявщиков. И я предложил заехать в гости к моему другу, который живёт неподалёку. Так мы и сделали. Когда я приехал к нему с тяжелой сумкой портвейна, Белозёров сказал:

— Раз портвейн у нас — красный, то красное вино, по правилам, нужно подогреть! Есть в чём его разогреть?

Мой друг вспомнил про самовар.

— Тащи сюда! — сказал Белозёров.

И пока мы беседовали о поэзии и политике, наш портвейн, залитый в самовар, — закипел! Пришлось ждать, пока он остынет, чтобы, наконец, насладиться винопитием. Только алкоголь из него весь выкипел...

Когда мы, наконец, решили с Ольгой связать свою судьбу всерьёз, встал вопрос о разводе с Белозёровым. И именно в этот момент он пропал. Перестал заходить в редакцию, звонить, и вообще где бы то ни было появляться. «Почувствовал», — сказала Ольга. И мы стали выжидать. Наконец, Белозёров где-то осторожно проявился, и мы его отловили.

— Серёжа, мне нужен развод, — сказала Ольга.

— Что, всё так серьёзно? — обречённо спросил он.

— Да.

— Тогда с вас — поляна! — нашёлся он.

Поскольку прописан он был в городе Советске Щёкинского района, дело о разводе рассматривал Щёкинский суд. Мы приехали туда с Ольгой, не особо надеясь, что Белозёров явится. Но он всё-таки пришёл. С собой на суд они меня не взяли. Об обстоятельствах разбирательства рассказали в тот же день чуть позже, за столом в небольшом щёкинском ресторанчике, куда мы отвели Белозёрова. Он сдержал слово, и мы тоже — «накрыли поляну».

Судья спросила:

— А почему вы разводитесь?

Белозёров ответил издевательски:

— Видите ли, раньше мы работали в одной редакции, и у нас были общие интересы. А теперь работаем в разных, и общих интересов больше нет.

Судью не удовлетворил этот ответ, и она попыталась докопаться до истины:

— И всё-таки объясните — почему? Жили же столько лет вместе, у вас общий ребёнок...

Белозёров нашёлся и тут:

— Лев Толстой написал два тома «Анны Карениной» и то не смог разобраться в этом вопросе! А вы хотите, чтобы мы сейчас тут за полчаса во всём разобрались?

Ольга отказалась от алиментов и дележа имущества, чем тоже потрясла судью...

— У нас тут люди доски от пола и потолка делят, а вы отказываетесь...

После развода Белозёров стал появляться у нас в редакции пореже. И всё-таки появлялся.

Однажды привёл молодого парня и девушку.

— Это мой сын Максим, а это его девушка Юля. Они хотят быть журналистами. Обучите их основам мастерства! — приказным тоном сказал он.

— Серёжа, а ты сам? — мы обалдели от такой наглости.

— А мне некогда, у меня много работы! — заявил Белозёров.

И Максим с Юлей стали завсегдатаями нашего кабинета вместо Серёги.

В 1991-м в новой газете «Тульские известия» появилась рубрика «Муза быстрого реагирования». Это было стихотворение без подписи, сопровождавшее снимок, — обычно на первой полосе. Так сказать, авторский креатив издания. Автором стихов, как скоро выяснилось, был Сергей Белозёров. И я стал собирать выпуски «ТИ» со стихами на первой полосе, которые мне попадались. Одно стихотворение — «Опять во дни тоски и муки...» — меня потрясло. На фотографии была просто ладонь с порядковым номером — такие номера писали в очередях за дефицитными продуктами, а в начале 90-х — всё было в дефиците или по талонам. Но Белозёров сделал подпись к снимку глобальным обобщением:

*Опять во дни тоски и муки,
как бы с последними дарами,
протянемте друг другу руки
с татуировкой номерами.*

*Помеченные в каждом круге
бесчисленными лагерями —
протянемте друг другу руки
с татуировкой номерами.*

*Прижавшись в стуже и испуге
голодными очередями —
протянемте друг другу руки
с татуировкой номерами.*

*Как сердце рвут ночные стуки —
опять, опять идут за нами? —*

*протянем же друг другу руки
с татуировкой номерами.*

*И кости ломит от агоний,
и хочется дожить до мая,
идти вдвоём, между ладоней
два близких номера сжимая...*

Я тут же придумал музыку к этим стихам, и мы с Ольгой то поочерёдно, то вместе пели эти стихи во время дружеских застолий. От стихов Белозёрова было страшно и тепло одновременно. Почти окуджавское — «Возьмёмся за руки, друзья», только не такое оптимистичное, скорее, обречённое.

Однажды Белозёров принёс два пакета каких-то бумаг, протянул мне: «Это — тебе» — «Что это?» — «Мой архив» — «Но зачем?» — «Пусть у тебя полежит. Может, издашь когда-нибудь».

Странная логика — принести архив новому мужу бывшей жены.

Я взял пакеты и засунул в шкаф. Потом как-то заглянул внутрь — в одном оказались стихи, а в другом — статьи и материалы к ним.

Вообще-то архивов Белозёров не держал. В первую очередь, наверно, потому, что попросту было негде. Единственная его собственность — квартира в городе Советске Щёкинского района Тульской области, доставшаяся ему от матери. Но и ту он, в конце концов, потерял.

А Ольга всю жизнь хранила письма Белозёрова из Зимы, из ссылки. Говорила, что это «литературный архив». Письма эти у меня сохранились. А вот писем Ольги в Зиму Сергей, к сожалению, не сохранил.

В 1998-м меня приняли в Союз российских писателей — он считался «новым» и «альтернативным» старому союзу. И, встретив однажды Белозёрова, пребывавшего, как всегда, в нужде, я ему предложил:

— Серёга, вступи к нам в союз. Губернатор даёт гранты писателям каждый месяц. Небольшие, но на скромную еду хватит.

На что Белозёров ответил:

— Нет, Андрюха, я хочу быть старым русским поэтом!

Однако в «старый» союз его так и не приняли...

Судьбой своей больной дочки Анечки, родившейся в Зиме, Белозёров в последние годы не интересовался. Анечке Белозёровой был поставлен диагноз «церебральный паралич», врачи предлагали Ольге сдать девочку в детский дом под предлогом, что «она долго не протянет». Но Ольга пыталась бороться — ездила по московским врачам, хваталась за любую соломинку. Когда надежды не осталось, она вернулась в Тулу к родителям, которые приняли беглянку вместе с больным ребёнком. Анечка прожила на свете десять лет. Ольга пахала на работе, зарабатывая на всю семью — родителей и дочь, а девочкой в основном зани-

малась её мама, Людмила Георгиевна. Смерть Анечки подкосила Ольгу, которая всем казалась «железной женщиной». Она любила свою несчастную дочку, и так и не смогла оправиться от её смерти. Я был в эти дни и годы рядом с ней. Помню Белозёрова на отпевании Анечки во Всехсвятском соборе города Тулы — как тень, он стоял поодаль, а потом, когда мы поехали на кладбище, незаметно ушёл. Не знаю, был ли он хоть раз на её могиле?

Ольга погибла через шесть лет после смерти Анечки. Это были жуткие шесть лет. Я не выдержал того образа жизни, которым она жила, и мы расстались. О её смерти я узнал почти сразу — позвонили с тульского телевидения: Ольга погибла на пожаре — вместе с журналисткой Ириной Извольской и гражданским мужем Николаем Шапошниковым... Я тогда уже работал в Москве. У меня не укладывалось в голове, что жизнь её могла закончиться так рано и так чудовищно. Я боялся этому верить, боялся звонить её отцу, боялся даже ехать в Тулу — а вдруг это окажется невероятной правдой? Как будто от меня что-то зависело... Когда приехал, стал обзванивать общих друзей, пытаюсь понять, что же произошло. Возникла криминальная версия. Точнее — даже несколько... Белозёров пришёл снова на отпевание, в тот же кладбищенский Всехсвятский собор — напротив дома родителей Ольги. Он поехал на кладбище, и я уговорил его поехать на поминки. С поминок мы ушли вместе, взяли ещё бутылку водки, засели в каких-то кустах, и я рассказал ему все версии, которые у меня возникли. Сергей возбуждённо говорил, что надо обязательно найти её убийцу. Мы проговорили несколько часов. Потом я поехал в деревню Алёшня к местной следовательнице, которая вела дело о пожаре... К сожалению, она так ничего и не сделала, чтобы установить истину.

Целый год, после гибели Ольги Подъёмщиковой, я жил между двумя городами — Москвой и Тулой: по рабочим дням ездил на работу, а на выходные приезжал в Тулу, чтобы работать над книгой стихов Ольги с Юлей Архангельской, её подругой. Книга вышла в 2001-м году, и я пригласил на презентацию Белозёрова. Серёжа пришёл в костюме (наверно, у кого-то взял напрокат), при галстукке, выглядел солидно, что было так не похоже на него тогдашнего. Прочитал свои стихи, написанные Ольге в период их любви. По счастью, этот вечер оказался записан — я попросил звукорежиссёра галереи «Ясная Поляна», где он проходил, поставить на запись магнитную кассету. И эти два стихотворения, прочитанные тогда Белозёровым, — единственная сохранившаяся запись его голоса... До смерти самого Сергея оставалось всего около года...

Я видел его за полгода до смерти — приехал в Тулу отметить мой День рождения с родителями, в апреле 2002 года. Сел на Московском вокзале в троллейбус и увидел на задней площадке Белозёрова. Он был помят и явно с большого бодуна. Я подошёл к нему:

— Серёжа, привет!

Он обрадовался. Спросил денег на опохмел. Я ответил:

— Давай зайдём куда-нибудь, выпьем пива.

Он радостно согласился. Заказал водки и пива — похмелиться и полирнуть. Всё по науке.

Я приехал на похороны Сергея из Москвы. Хоронили его журналисты, своим профессиональным кругом — те, с кем он начинал, те, кто у него учился и те, кто с ним выпивал.

Поминальные стопки и закусь расположили прямо на капотах машин.

Говорили памятные слова. Костя Кириллов, помню, с горькой иронией сказал:

— Скоро здесь можно будет поставить просто один большой крест — МК.

Поэт и журналист Лёша Дрыгас, главред тульских «Аргументов и Фактов», был нетрезв, кажется, ещё с утра. Мы давно с ним не общались, поссорившись когда-то по Лёшкиной инициативе. На обратном пути с кладбища он сел рядом со мной и в порыве чувств сказал:

— Андрюха, прости меня!

— Да я никогда и не обижался, Лёш, — сказал я.

И тогда он ошарашил меня просьбой:

— Напечатай стихи Белозёрова, старик! Никто, кроме тебя, этого не сделает.

И я ему пообещал.

Говорят, Лёшка так и не вышел тогда из штопора. Уехал в Москву, к другу Ерёме, поэту Александру Ерёменко, потом вернулся в Тулу. А потом вышел из окна своей квартиры на Первомайской...

Мифы о смерти Белозёрова стали сочинять сразу после его смерти. Точнее ещё при его жизни. Как сказал бы сам Белозёров словами Марка Твена «Слухи о моей смерти сильно преувеличены!»

Газета «Тульские известия» написала в некрологе: «Он умер 2 ноября в пять часов утра, сидел на диванчике, пел песни с друзьями, откинул голову — и отлетел в небытие с недокуренной «Примой», с недопетой песней ...»

Ещё одну версию Серёжиной смерти озвучил в своём эссе Вячеслав Алтунин: «Они с приятелем выпивали за городом, в березовой роще. Читали стихи, обсуждали, как водится, мировые проблемы. Сергей прислонился к стволу березы и вдруг как-то странно затих. Приятель не сразу и сообразил, что это — тишина смертного часа...»

На самом деле всё было проще и банальней. Рассказывает друг Сергея, тульский журналист Константин Шестаков:

«Белозёрову поручили достать картошку на зиму. Я ему обещал — сколько нужно мешков отгрузить. Пили втроем: я, Белозеров и Марина Ермоленко, моя гражданская жена. Причем, на третий день я тормознул. У меня всегда на третий день организм переставал принимать алкоголь — рвота, пот по всему телу. Шесть

Ольга Подгёмщикова и Андрей Коровин. Фото Александра Шевчука

оставшихся дней пили Серёга и Марина. И в ночной магазин ходили. Мама им чего-то давала, подкармливала.

Но за эти девять дней было не только пьянство. Он в корне переделал одно из своих лучших стихотворений «Не возвращайся из ссылки, Овидий». Он это стихотворение посвятил мне. Мы его бурно обсуждали. Меня то одно не устраивало, то другое. Помню, у него было «в термах друг друга имеем», что Серёга убрал по моей просьбе. И в подаренном машинописном экземпляре есть правка белозёровской рукой.

А потом он ушел, договорившись в ближайшее время отправиться со мной в Дубенский район за картошкой. И всё. Его не стало...

Сергей вернулся в свою берлогу к «бабке Зайцевой», на чьи деньги нужно было купить картошки, сел на диван, попросил воды и — всё...

Поэты Свинцового непризнанного века русской поэзии честно умирали от водки. Белозёрову было всего 54 года. До возраста старика он так и не дожил.

Андрей Коровин — поэт, прозаик, журналист. Журналистский псевдоним в 90-е — Андрей Лучников. Автор одиннадцати поэтических книг. Руководитель Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь», литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва) и других культурных проектов. Живёт в Московской области.

Похороны

Утром 12 ноября 2002 года позвонила мне Тамара Анатольевна Пузанова из «Тульских известий»: сегодня ночью умер Сергей Белозеров. Сообщила об этом бабка Зайцева, у которой он жил на улице Белкина, 27-а, в квартире 29.

— Что случилось? — спросил я.

— Не знаю. Надо проводить Серёжу достойно. Сейчас буду звонить Боре Играеву.

Днем я зашёл в редакцию «Молодого коммунара». В ответ на мой вопрос Александр Гелиодорович Ермаков ответил:

— Да вот только что Борис и Тамара Александровна Головина приехали из того домика на улице Белкина, это рядом с памятником советско-чехословацкой дружбы. В пять часов утра сидели, пили, Сергей играл на гитаре; вдруг упал — и всё!

Вечером — звонок Нади Тюленевой:

— Какая прекрасная смерть! Как у Володи Чубарова. Мы с ним тогда дежурили по выпуску очередного номера, он подписал все полосы, сел в кресло и стал рассказывать анекдоты, хохотал, закидывая голову. И вдруг осел, затих и всё! Скорая зафиксировала смерть. А помните, как умер Елькин? Гулял в парке, вышел, сел в трамвай — и всё!

Вынос тела был назначен на 15 ноября в 13 часов. К часу дня на узкой площадке перед двухэтажным кирпичным зданием Траурного зала, как официально именовали морг возле больницы на Набережной Дрейера, собралось несколько десятков людей. Я пришел в то время, когда из задней железной двери выходил Борис Играев и с ним широкоплечий крепкий мужчина в кожаной куртке.

Кто-то шепнул мне на ухо:

— Это один из двух братьев Сергея, он живёт в Москве, предприниматель. Другой брат, кажется, в Тюмени.

Надя Тюленева кивнула на женщину в светло-бордовом пальто и прошептала:

— Первая жена Сергея, Надежда, а рядом с ней дочь, ей двадцать с чем-то. А за ними сын — Максим.

День был серый, хмурый, слякотный, под ногами — скользкий грязный лед и снежная каша, кое-где лужицы. Пока стояли в ожидании выноса, Тамара Пузанова рассказала мне:

— Я тогда в горкоме партии работала. И вот приходит ко мне Оля Подъёмщикова и просит: помоги, посодействуй. Сергею суд завтра, наверное, срок дадут.

Так, может, хотя бы не в лагерь, а, скажем, в ссылку? Позвонила я Мариевскому в Зареченский райком — прямо при Ольге: «Вот тут у меня красивая молодая женщина, журналистка. Её возлюбленного у вас в суде завтра будут за неуплату алиментов судить. Позвони, походатайствуй. Ну, хотя бы не в лагерь, а в ссылку». Вот так Сергей оказался на станции Зима, а не в колонии.

— И Ольга поехала за ним, — добавила стоявшая рядом Тамара Головина. — Её называли декабристкой.

Слышу, в соседней группе обсуждают некролог в «Тульских известиях»: «Ну разве так можно: «горький пьяница...» — «Безобразие!» — «Да не было там таких слов» — «Ну, что-то в этом духе».

Андрей Лучников в длинном чёрном пальто и чёрной кепочке подошёл ко мне, сказал:

— Надо издать стихи Серёжи. Деньги мы найдем... Архив Сергея богатый. Много замечательных стихов. Среди них — о Борисе Слуцком. Там есть такие строчки:

*А он всё думал: если драка,
то надо вязываться в бой.
топтать Бориса Пастернака
и чётко резать: «свой — не свой».*

Железные двери морга раскрылись, и четверо мужчин без шапок вынесли красный гроб, установили его на две красных треугольных подставки. Сергей как живой, только с закрытыми глазами. Так чаще всего выглядят покойники, ушедшие из жизни внезапно, без болезни и страданий (вспомнилось тюленевское: «прекрасная смерть!»)

Тут же на грудь ему упала женщина в потрёпанном пальтишке, из-под шали седые волосы выбились. Упала и начала причитать: «Серёжа, дорогой мой, милый мой, что ты наделал, на кого ты меня покинул? Что я буду без тебя делать? Ведь обещал: вместе будем на базар ходить, вместе всё. Как мне с тобой хорошо было! Ты ведь добрый, ласковый. Зачем же ты это сделал?»

Я понял, что это и есть та самая Зайцева. Это было так по-старинному, так по-русски!

Все стояли возле гроба и припавшей к нему женщины, не двигаясь. Но кто-то подошел, тронул её за плечо, она поднялась, продолжая плакать и причитать, отстранилась от гроба. Мужчины подняли его и понесли к автобусу с черной каймой. Кто-то взял крышку, на которой были прибиты желтые полосы креста.

За катафалком с гробом двинулись легковушки «Молодого коммунара» и «Тульских известий», за ними — небольшой автобус с пожелавшими отправиться на кладбище. В автобусе рядом со мной оказались Андрей Лучников, Александр Парфененков и полупьяный седой грузный человек, непрерывно что-то

бубнивший. Поблизости расположились Татьяна Мариничева, Надя Тюленева, Виктор Васильевич Филимонов и ещё несколько женщин.

Могила оказалась на краю первого от Тулы кладбища на Мыльной горе, теперь уже закрытого, разрешают только подхоранивать к родственникам. Кто-то сказал, что Боря Играев добился разрешения зарыть здесь Серёжу. Гроб вынесли из катафалка и поставили на кучу глины у вырытой ямы. Опять к нему припала Зайцева, причитала и рыдала. Когда умолкла, к гробу подошла жена Сергея с дочерью и малослышно прочитала какие-то стихи. Я было приготовился прочесть стих о бабе Фросе, Варе и Насте. И ещё: «Не объясняйтесь Родине в любви». Но стоявшие ближе к гробу Играев и Гелиодорыч молчали, а уж им-то сам бог велел сказать что-то. Один из двух могильщиков поторопил:

— Ну, подходите прощаться, кто...

Бабка-плакальщица поцеловала Сергея в лоб с бумажным церковным венчиком, надетым кем-то здесь, на кладбище. Потом Надежда с дочерью, брат и сын, потом Играев, Ермаков, Пузанова, Тюленева. Подошёл и я. Могильщики надвинули крышку, забили гвозди, ловко спустили гроб в яму и принялись засыпать. Люди подходили, бросали горсти глины.

Когда вместо ямы образовался холмик, рабочие согнули имеющиеся четыре венка, уложили на возвышение. Борис Играев на капоте машины раскрыл мисочку с кутьёй, все поддевали по ложечке, брали в ладони и проглатывали вареный рис. На капотах ещё двух автомашин оказалось несколько бутылок «столичной», бутерброды с сыром и колбасой, нарезанные солёные огурчики и прозрачные пластиковые стаканчики. Каждый сам себе наливал — кто до середины, кто на доньшко, иные и доверху. Молча выпили, сбились в группки. Оживился разговор, кто-то налил по второй. Гелиодорыч подошёл ко мне, сообщил, что похоронил недавно отца.

Подошёл Александр Парфененков и стал мне рассказывать, как был зол на меня одно время за то, что я забраковал какую-то подборку его материалов, присланную в «Коммунар» из Новомосковска, где он тогда работал в одной из многотиражек. «Несколько лет спустя, когда стал редактором «Молодого коммунара», я осознал высокую требовательность».

Такое можно услышать, пожалуй, только на чьих-то поминках. Да и то — вот на таких, как сейчас, неофициальных, без протокола.

Плотный седой мужик, бубнивший давеча в автобусе, хлопнул меня дружески по плечу и сказал Парфененкову:

— А вот меня он заметил и похвалил. Помните, Сергей Норильский, «Радугу», — приложение к «Молодому»? Вы там опубликовали отзыв о стихах, напечатанных в газете, и отметили мои строчки наряду со стихами Владимира Лазарева и Сергея Белозёрова.

Бог ты мой! Так это же тот юноша Лазаревич, стихи которого звучали в середине оттепельных шестидесятых на многих писательских встречах!

В сером унылом небе проносились стаи ворон, их карканье покрывало негромкий говор подвыпивших мужчин. Вскоре все расселись по машинам, холмик с венками и гвоздиками грустно смотрел на покидавших его людей. Сумеречный день клонился к исходу. Вглядываясь через окно автобуса в удаляющийся ряд могил, в котором Серёжина была последней, Надя Тюленева сказала:

— Ну вот, к весне холмик сравняется с землёй, могильщики отволокут поблекшие венки в ближайшую кучу мусора, потом на этом месте образуется провал, зарастёт травой...

— Ну, зачем вы так... — возразил Лучников. — Есть кому не забывать это место.

А мне вспоминались встречи с Сергеем, когда он, уже работая в «Комсомолке», приносил иногда в «Коммунар» свои корреспонденции на промышленные темы. Какое это было удовольствие — сдавать их в секретариат, не изменив ни слова, — так плотно были написаны, так выделялись в общем потоке, когда поневоле приходилось править торопливые неряшливые строчки, перепечатывать на машинке.

Вспоминалось и другое, грустное. Уже в «Тульских известиях». Заглянет, бывало, Сергей в комнату, где трудились мы с Юрием Забродиним, улыбнется ласково и прошепчет: «Ребята, тройка не хватает...» Вот так же было много лет назад, в том же «Коммунаре». Зайдет в промотдел Костя Павлов, в прошлом сотрудник «Правды», яркий фельетонист, и с хитрой самоиронией: «Хлопцы, выручайте, тройка не хватает».

А оглядываясь ещё дальше назад, в век девятнадцатый, вспоминаешь: не так ли было в своё время с писателем Николаем Успенским? Да... «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?»

С горечью думал я о старой, как мир, планиде богемы, о том, как пропадают в ней таланты и как не желают иной участи. А может быть, планида та и есть питательная среда, в какой таланты дают отдачу? Куда деться, — у каждого своя судьба, своя дорога в жизни.

Сергей Щеглов, псевдоним — Сергей Норильский (1921-2020) — писатель, журналист, инженер. Окончил первый курс истфака Московского областного педагогического института и на следующий день был арестован НКГБ СССР по обвинению в создании молодёжной антисоветской организации. Был приговорен к пяти годам ИТЛ. После освобождения заведовал научно-исследовательской лабораторией, был техноруком, затем начальником завода по производству взрывчатых веществ и кислорода. В 1959 году был реабилитирован, переехал на жительство в город Тулу. В 1963 году стал профессиональным журналистом. Выпустил 14 книг — историко-краеведческих, литературоведческих, публицистических, документально-мемуарных. Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского и литературной премии имени Льва Толстого. Был одним из организаторов и с 1990 года возглавлял правление Тульского областного отделения общества «Мемориал».